

ЭТЮД В ТОТАЛИТАРНЫХ ТОНАХ

ЛУКАС БЕННЕТТ

18+

Лукас Беннетт

Этюд в тоталитарных тонах

«Автор»

2026

Беннетт Л.

Этюд в тоталитарных тонах / Л. Беннетт — «Автор», 2026

Фармгигант готовит к запуску препарат «Терванекс», который может вызывать тяжелые поражения печени. Когда врач-иммунолог Иван Васильев раскрывает результаты исследований, он теряет работу, репутацию и семью, а сам становится мишенью масштабной кампании: его объявляют лидером «медицинской секты», а научные данные превращают в доказательства опасной деятельности. Единственным союзником оказывается частный аналитик Алексей Грейн, который выходит на след хорошо организованной системы, где медийные атаки, ложные экспертизы, купленные специалисты и судебные механизмы работают в интересах корпорации. Чтобы доказать правду, героям необходимо добыть оригиналы клинических испытаний, пока ключевого свидетеля не заставили замолчать. Напряженный юридико-медицинский триллер о цене правды, корпоративной коррупции, фабрикации обвинений и борьбе с системой, превращающей ярлыки и псевдоправосудие в коммерческий инструмент.

© Беннетт Л., 2026

© Автор, 2026

Лукас Беннетт

Этюд в тоталитарных тонах

Настоящее издание представляет собой художественное произведение. Все имена, персонажи, диалоги, события, организации и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла и используются исключительно для раскрытия авторского замысла. Любое сходство с реальными лицами, событиями, обстоятельствами, организациями, названиями, публичными спорами или общественными процессами является случайным и непреднамеренным. Мнения, реплики и оценки персонажей являются частью художественного повествования и не должны восприниматься как позиция автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Пролог

Зал судебных заседаний номер 402 казался холодным и безликим. Судья монотонно зачитывал резолютивную часть приговора, не поднимая глаз от бумаг. На скамье подсудимых сидел профессор Илья Антонов — биолог, чья лаборатория месяц назад опубликовала отчет о загрязнении грунтовых вод. Теперь он был уже не ученым. Согласно материалам дела, он являлся «лидером деструктивного культа, применявшим методы психологического контроля к студентам».

Адвокат Вадим Корелов сидел за столом обвинения в безупречно скроенном темно-синем костюме. Он не слушал судью. Его пальцы методично выравняли края кожаной папки. Внутри лежала копия экспертного заключения — сто страниц псевдонаучного текста, в котором термины из лекций Антонова были виртуозно переплетены с цитатами из пособий по вербовке. Корелову не нужно было вникать в суть биологических исследований. Его задача заключалась в другом: превратить научную дискуссию в вопрос национальной безопасности.

Когда прозвучало слово «виновен», Антонов медленно опустил голову на деревянную скамью. В зале не было ни журналистов, ни коллег — все они отвернулись от профессора после первой же серии статей в бульварной прессе. Корелов застегнул пуговицу пиджака, кивнул прокурору и направился к выходу. В коридоре его уже ждал курьер с плотным конвертом от заказчика. Механизм сработал безупречно. Ярлык был наклеен, репутация уничтожена, активы лаборатории заморожены.

Корелов достал телефон и открыл список контактов. Следующим в очереди стоял доктор Иван Васильев, посмеявшийся раскритиковать новый препарат биофармацевтического холдинга «Северинта». Адвокат нажал на иконку вызова и коротко бросил в трубку: «Запускайте первую фазу. Тезисы те же — сектантское кодирование пациентов». Маховик карательной машины начал новый оборот, еще не зная, что на этот раз в его шестеренки попадет стальной лом.

Глава 1. Аналитик из тени

Тяжелая картонная коробка с глухим стуком опустилась на поверхность дубового стола. Внутри что-то зашуршало, звякнула скрепка, ударившись о стенку. Алексей Грейн поднял взгляд от монитора. В его кабинете — помещении без окон, расположенном на цокольном этаже бывшего складского комплекса на окраине города, — царил полумрак, разбавляемый лишь холодным светом настольной лампы.

Человек, стоявший по ту сторону стола, выглядел так, словно не спал несколько суток. Его пальцы, цепко сжимавшие края коробки, мелко дрожали. Светло-серый плащ был измят, воротник рубашки растянут. Доктор Иван Васильев, ведущий научный сотрудник Института клинической иммунологии, чье лицо еще месяц назад не сходило со страниц специализированных медицинских журналов, сейчас напоминал загнанного зверя.

— Мне сказали, вы занимаетесь... нестандартными ситуациями, — голос Васильева звучал хрипло, он откашлялся и провел рукой по лицу. — Я не знаю, куда еще идти. Полиция отказалась принимать заявление. Коллеги перестали отвечать на звонки.

Грейн откинулся в кресле. Он не любил слово «нестандартные». Его работа заключалась в анализе паттернов, в поиске закономерностей там, где другие видели хаос. Информационные потоки всегда оставляли следы, нужно было лишь уметь их читать.

— Присаживайтесь, доктор Васильев, — Грейн указал на стул с высокой спинкой. — И давайте без предисловий. Что в коробке?

Васильев опустил на стул, словно у него разом отказали ноги. Он потянулся к коробке, откинул картонные клапаны и начал выкладывать на стол ее содержимое. Сначала появилась стопка бумаг формата А4, перехваченная канцелярской резинкой. Затем — несколько глянцевого журналов, пара газет с кричащими заголовками и, наконец, пластиковая папка-скоросшиватель.

— Это началось три недели назад, — заговорил Васильев, нервно перебирая бумаги. — Я опубликовал статью в независимом вестнике. Результаты клинических испытаний «Терванекса». Это новый иммуномодулятор от холдинга «Северинта». Они готовят его к массовому запуску через месяц. Препарат позиционируется как прорыв в лечении аутоиммунных заболеваний.

Грейн пододвинул к себе папку-скоросшиватель. Внутри лежал приказ на официальном бланке Института. «Уволить по статье 81 Трудового кодекса... в связи с грубым нарушением трудовых обязанностей...» Подпись директора, печать. Дата стояла вчерашняя.

— Мои исследования показали, что препарат токсичен, — продолжил Васильев, его голос окреп, в нем зазвучали нотки профессиональной уверенности. — У тридцати процентов контрольной группы зафиксировано необратимое поражение печени. Я трижды отправлял рапорты руководству. Просил приостановить испытания. Меня игнорировали. Тогда я решил вынести это в публичную плоскость.

Взгляд аналитика скользнул по строкам приказа. Документ был составлен безупречно с юридической точки зрения, но дьявол, как всегда, крылся в деталях.

— И вас уволили на следующий день после публикации? — уточнил Грейн.

— Если бы только это, — Васильев горько усмехнулся и пододвинул к Грейну три газеты. — Посмотрите на даты.

Алексей развернул газеты. Это были популярные таблоиды, специализирующиеся на скандалах и криминальной хронике. Даты выхода совпадали — прошлый четверг. Заголовки кричали: «Оборотень в белом халате», «Сектантские эксперименты в государственной клинике», «Доктор-убийца вербует пациентов».

Грейн взял карандаш и начал методично подчеркивать абзацы в текстах. В кабинете повисла тишина, прерываемая лишь шуршанием бумаги и гудением кулеров системного блока. Через десять минут он отодвинул газеты и посмотрел на Васильева.

— Обратите внимание, — Грейн постучал карандашом по столу. — Статьи написаны разными авторами, в разных изданиях. Но структура текста идентична. Везде используется один и тот же нарратив: вы не ученый, вы — манипулятор. Везде присутствует цитата некоего «независимого эксперта», утверждающего, что вы применяете методы психологического контроля. И самое интересное...

Грейн придвинул газеты ближе к себе и прочитал вслух:

— «Васильев использует сложную медицинскую терминологию для подавления воли пациентов, превращая их в послушных адептов своей псевдонаучной теории». Этот абзац слово в слово повторяется во всех трех публикациях. Это не журналистика, доктор. Это тем-ник.

Васильев побледнел. Он смотрел на подчеркнутые строки так, словно они были ядовитыми змеями.

— Темник? — переспросил он.

— Инструкция по освещению темы, — пояснил Грейн. — Заказчик рассылает базовый текст, а исполнители адаптируют его под формат своих изданий. В вашем случае они даже не стали напрягаться с рерайтом ключевых тезисов. Слишком торопились.

Аналитик поднялся, прошел к кофеварке и налил себе свежую порцию. Горький аромат наполнил комнату.

— Кто-то очень не хочет, чтобы ваша статья о «Терванексе» получила резонанс. И они выбрали самую эффективную стратегию. Они не опровергают ваши данные. Они дискредитируют источник. Никто не будет слушать «лидера секты», даже если он говорит правду.

— Но это же абсурд! — Васильев вскочил со стула, едва не опрокинув его. — Какая секта? Я врач! Я работаю со статистикой, с анализами крови, с результатами биопсии! У меня есть все протоколы исследований!

Грейн вернулся к столу и сел. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Обществу не нужны протоколы биопсии, доктор. Обществу нужны понятные ярлыки. «Сектант» — это отличный ярлык. Он вызывает страх и отторжение. Он блокирует критическое мышление. Вас изолировали.

Васильев тяжело опустился обратно на стул. Его плечи поникли. Он казался человеком, который только что осознал масштабы надвигающейся катастрофы.

— Что мне делать? — тихо спросил он. — Я пытался связаться с журналистами, которые писали эти статьи. Телефоны недоступны. Редакторы бросают трубку. Вчера мне звонили из опеки... Спрашивали о методах воспитания моего сына.

Грейн открыл ноутбук. Экран осветил его лицо холодным голубоватым светом. Пальцы привычно легли на клавиатуру.

— Мы начнем с цифрового аудита, — произнес он, запуская программу-анализатор. — Мне нужно отследить источники распространения информации. Кто первым вбросил тезис о секте. Кто оплатил публикации. Как двигались деньги.

На экране появились строчки кода, побежали графики и диаграммы. Грейн создал новую папку, назвав ее «Дело Васильева».

— Это будет стоить дорого, — предупредил он, не отрывая взгляда от монитора. — Мои услуги не дешевы. И я не даю гарантий результата. Я лишь предоставляю информацию. Что вы будете с ней делать — решать вам.

Васильев достал из внутреннего кармана плаща пухлый конверт и положил его на стол.

— Здесь мои сбережения. Этого хватит для начала?

Грейн даже не взглянул на конверт.

— Оставьте себе. Пока. Сначала я должен понять, с чем мы имеем дело. Мне нужны все ваши публикации, черновики статьи о «Терванексе», переписка с руководством Института. Всё, что касается этого препарата.

Доктор кивнул и подвинул коробку ближе к Грейну.

— Здесь всё. Копии протоколов, результаты анализов, внутренняя документация. Я скопировал всё, что смог, перед тем как они заблокировали мой пропуск.

— Отлично, — Грейн взял один из документов, пробежал глазами текст. — Теперь расскажите мне подробнее о препарате. Что именно вы нашли?

Васильев выпрямился. Разговор о медицине возвращал ему уверенность.

— «Терванекс» базируется на синтетическом белке, который должен блокировать аутоиммунные реакции. В теории это выглядит идеально. Но на практике... Белок накапливается в гепатоцитах. Клетки печени начинают разрушаться. Сначала бессимптомно. На биохимиче-

ском анализе крови изменения видны только на поздних стадиях, когда процесс уже необратим.

— И «Северинта» об этом знает?

— Не могут не знать. Я видел их внутренние отчеты о доклинических испытаниях на животных. Там были те же результаты. Но они изменили методологию оценки токсичности, чтобы скрыть эти данные. Они торопятся вывести препарат на рынок. Это миллиардные прибыли.

Грейн задумчиво постучал пальцами по столу. Картина начинала складываться. Классический конфликт интересов. Корпорация, готовая пойти на всё ради прибыли, и одиночка, вставший у нее на пути. Но методы... Методы были слишком изощренными для простой корпоративной службы безопасности.

— Кто проводил экспертизу ваших публикаций для этих газетных статей? — спросил Грейн, возвращаясь к разложенным на столе таблоидам. — Вы помните имя «независимого эксперта»?

Васильев нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Кажется, какой-то центр... Центр психологической безопасности. Или что-то в этом роде. Я никогда о них не слышал.

Аналитик быстро вбил несколько запросов в поисковик. Экран заполнился ссылками.

— Вот оно. «Центр изучения деструктивных культов». Руководитель — некий профессор Смирнов. Специализируется на «психолингвистическом анализе текстов с целью выявления признаков скрытого манипулирования».

Грейн открыл несколько ссылок подряд. Глаза быстро сканировали текст.

— Интересно. За последний год этот профессор Смирнов выступал экспертом в пятнадцати подобных делах. И каждый раз его заключение ложилось в основу обвинений в создании сект или деструктивных организаций. Экологи, правозащитники, независимые журналисты... А теперь и ученый-медик.

— Вы думаете, это система? — спросил Васильев, и в его голосе прозвучал неподдельный страх.

— Я думаю, что это конвейер, — Грейн закрыл вкладки браузера. — И кто-то очень хорошо платит за его работу.

Он посмотрел на врача. Тот сидел, ссутулившись, словно под тяжестью невидимого груза. Иллюзии рушились одна за другой. Мир науки, в котором он жил, где правили факты и доказательства, оказался незащищен перед машиной по производству лжи.

— Доктор Васильев, — голос Грейна прозвучал жестко, почти холодно. — Вы должны понимать одну вещь. То, с чем вы столкнулись — это не просто ошибка или недоразумение. Это целенаправленная кампания по вашему уничтожению. И они не остановятся на увольнении и газетных статьях. Это только первый этап.

— Что будет дальше?

— Дальше они начнут разрушать вашу жизнь. Полностью. Отрежут от финансов, изолируют от близких, заведут уголовное дело. Они сделают вас токсичным для любого, кто попытается вам помочь.

Васильев молчал. В тишине кабинета было слышно только гудение серверов.

— Вы готовы идти до конца? — спросил Грейн. — Потому что пути назад у вас уже нет. Если вы сейчас отступите, они вас раздавят.

Врач медленно поднял голову. В его глазах больше не было страха.

— Я врач, Грейн. Мой долг — спасти жизни. Если этот препарат выйдет на рынок, погибнут тысячи людей. Я не могу этого допустить.

Алексей кивнул. Этот ответ его устроил.

— Хорошо. Тогда начнем.

Он придвинул к себе клавиатуру и открыл чистый текстовый документ.

— Первое правило цифровой гигиены, доктор: мы больше не используем ваши обычные каналы связи. Никаких звонков по сотовому, никаких мессенджеров. Ваш телефон, скорее всего, уже прослушивается. Электронная почта читается.

Грейн достал из ящика стола старенький кнопочный телефон без камеры и интернета, вставил в него новую сим-карту и протянул Васильеву.

— Это для экстренной связи. Номер знаю только я. Включать только в случае крайней необходимости.

Васильев взял аппарат, повертел его в руках.

— Второе правило, — продолжил аналитик. — Вы не делаете никаких публичных заявлений. Никаких интервью, никаких постов в социальных сетях. Любое ваше слово будет использовано против вас. Вы уходите в тень.

— А как же моя статья? Мои исследования?

— Мы найдем способ их обнародовать. Но не сейчас. Сейчас наша задача — собрать доказательства того, что против вас ведется спланированная кампания. Нам нужны факты, связи, финансовые проводки.

Грейн снова повернулся к монитору. Пальцы забегали по клавишам, вводя команды в терминал.

— Я начну с анализа метаданных этих газетных публикаций. Посмотрим, откуда растут ноги у этого темника. Параллельно прогоню через базы данных информацию о «Северинте» и этом Центре изучения деструктивных культов. Поищем точки пересечения.

Он взял из коробки один из протоколов клинических испытаний «Терванекса».

— А вы пока займитесь этим. Мне нужна выжимка из ваших исследований. Кратко, четко, без сложных медицинских терминов. Только факты: количество испытуемых, дозировка, процент осложнений, характер поражений печени. Сделайте так, чтобы это понял человек, далекий от медицины.

Васильев кивнул, достал из кармана блокнот и ручку и принялся за работу. В кабинете снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком клавиш и скрипом пера по бумаге.

Грейн работал методично, отсекая лишнюю информацию, углубляясь в цифровые дебри. Он знал, что где-то там, в хитросплетениях IP-адресов, транзакций и электронных писем, скрывается ответ. Машина не могла работать без сбоев. Люди всегда оставляли следы. Жадность, глупость, самоуверенность — всё это было отличным материалом для аналитика.

Прошло несколько часов. Васильев закончил писать, положил листок на стол и устало откинулся на спинку стула. Грейн продолжал вглядываться в экран монитора, где мелькали строки кода.

Внезапно его пальцы замерли над клавиатурой. Он нахмурился, вглядываясь в одну из строчек.

— Интересно... — пробормотал он.

— Что там? — Васильев подался вперед.

— Я проанализировал цифровой след одной из публикаций, — Грейн указал на экран. — Статья была загружена на сайт издания с IP-адреса, который не принадлежит редакции. Это адрес прокси-сервера.

— И что это значит?

— Это значит, что текст прислали со стороны, уже в готовом виде. Но самое интересное не это. Я проследил цепочку маршрутизации. Она ведет к серверу, зарегистрированному на юридическую компанию.

Грейн быстро вбил название компании в поисковик.

— «Корелов и партнеры», — прочитал он. — Адвокатское бюро. Специализируется на корпоративном праве и защите деловой репутации.

Он повернулся к Васильеву.

— Вам знакомо имя Вадим Корелов?

Врач отрицательно покачал головой.

— Нет. Никогда не слышал.

Грейн задумчиво посмотрел на монитор. В игре появился новый игрок. Юристы. Это меняло дело. Если за информационной атакой стояло адвокатское бюро, значит, ставки были гораздо выше, чем он предполагал.

— Похоже, ваше увольнение и газетная шумиха — это только артподготовка, доктор Васильев, — произнес аналитик, закрывая терминал. — Настоящая война начнется в суде. И к ней нужно быть готовым.

Он посмотрел на часы. Было уже далеко за полночь.

— На сегодня всё. Идите домой, постарайтесь отдохнуть. Завтра я продолжу работу. Если что-то случится — звоните по тому телефону, что я вам дал.

Васильев поднялся, сгреб свои бумаги обратно в коробку.

— Спасибо, Грейн. Вы первый, кто поверил мне.

Аналитик лишь коротко кивнул. Он не верил людям. Он верил фактам. И факты говорили о том, что доктор Васильев попал в очень серьезный переплет.

Когда за врачом закрылась дверь, Грейн снова повернулся к монитору. Он открыл папку «Дело Васильева» и создал новый документ. Назвал его коротко: «Корелов».

Игра началась. И правила в ней диктовал тот, кто контролировал информацию. Грейн намеревался стать этим человеком. Он сделал глоток остывшего кофе и погрузился в цифровой океан, выискивая следы невидимого врага.

Глава 2. Первая ступень инквизиции

Монитор отбрасывал на лицо Грейна холодный, мертвенный свет. Три часа методичного парсинга метаданных, извлеченных из цифровых следов газетных публикаций о Васильеве, принесли первые результаты. На экране выстроилась четкая схема маршрутизации. Аналитик отпил остывший кофе, не отрывая взгляда от зеленых строк кода, бегущих по черному фону терминала.

Все три статьи, уничтожившие репутацию врача за одни сутки, были загружены на серверы редакций с одного и того же IP-адреса. Адрес не принадлежал ни одной из газет. Он не был скрыт за стандартными VPN-сервисами, которые обычно используют для анонимизации. Кто-то работал открыто, чувствуя полную безнаказанность.

Пальцы Грейна быстро застучали по клавиатуре, отправляя запрос к базе данных регистраторов доменных имен. Через несколько секунд система выдала ответ. IP-адрес принадлежал серверам пиар-агентства «Кворелис».

Аналитик открыл новую вкладку и вбил название агентства в поисковик. Официальный сайт выглядел респектабельно: корпоративные цвета, улыбающиеся лица сотрудников, список клиентов, среди которых мелькали названия крупных промышленных и фармацевтических компаний. В разделе «Услуги» значились «антикризисный PR», «управление репутацией» и «взаимодействие со СМИ».

— Управление репутацией, — пробормотал Грейн, усмехнувшись. — Скорее, ее ликвидация под ключ.

Он вернулся к исходному коду страниц, на которых были опубликованы статьи. Его интересовал не только сам текст, но и то, что скрывалось за ним — теги, метаописания, скрытые комментарии разработчиков. Часто именно там оставались следы реальных заказчиков или исполнителей, забытые в спешке.

Скрипт-анализатор, запущенный Грейном, прочесывал массивы данных, выискивая аномалии. Внезапно программа подала короткий звуковой сигнал. На экране высветилась строка

из скрытого раздела комментариев на сайте одного из таблоидов, где боты активно обсуждали «сектантское прошлое» Васильева.

<meta name="campaign_id" content="RACIRS_Vasiliev_phase1">

Грейн нахмурился. РАЦИРС. Эта аббревиатура не встречалась ни в статьях, ни в официальных документах об увольнении. Аналитик скопировал слово и запустил поиск по закрытым базам данных и архивам судебных решений.

Результаты посыпались лавиной. РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Организация, позиционирующая себя как главный экспертный орган по борьбе с деструктивными культами. Десятки упоминаний в прессе, сотни судебных экспертиз. И везде один и тот же паттерн: появление РАЦИРС в деле означало неминуемый крах для обвиняемого.

Грейн открыл архивную статью двухлетней давности. Речь шла о судебном процессе в Перми. Женщина, Елена Брессем, пыталась уйти от мужа, но тот, заручившись поддержкой экспертов РАЦИРС, обвинил ее в принадлежности к секте.

«Мне кажется, что Саша сам попал под влияние этих людей, — высказывала свои предположения Жанна Потапова журналистам, — он как будто зомбированный, никого слушать не хочет. Он уверен, что Лена состоит в секте, и на этом строит свою позицию в суде».

Дальше шло интервью руководителя РАЦИРС, Александра Дворкина, который заявлял, что приехал в Пермь «по частному делу», чтобы выступить экспертом в суде и помочь вернуть детей отцу, чья жена якобы попала под влияние секты.

— Знакомый почерк, — констатировал Грейн, прокручивая страницу вниз.

В статье упоминалось, что муж Елены, после того как связался с РАЦИРС, ушел в глубокое подполье, перестал общаться с родственниками, а все его действия координировались адвокатами ассоциации. Сама Елена жаловалась: *«Они у меня целый год жизни отобрали... планомерно стараются уничтожить мою карьеру».*

Грейн открыл другой файл из архива. Статья анализировала методы работы антикультовых организаций. В ней описывался так называемый «сбор разведданных».

«Человек сидит в Миссионерском отделе, заходит на аккаунты и в группы религиозных организаций в соцсетях... Насколько я знаю, используется ещё такой приём разведывательного плана — то есть миссионер... заходит под именем “Вася” и “включает дурака”... То есть вступает в переписку анонимно... Это сбор разведданных. Работа под прикрытием».

Аналитик откинулся в кресле. Картина вырисовывалась пугающая. Против Васильева работал не просто отдел безопасности фармкомпаний. Против него была задействована профессиональная структура, специализирующаяся на информационном терроре и разрушении жизней под видом борьбы с сектами. Они использовали методы спецслужб: слежку, внедрение, психологическое давление, манипуляцию общественным мнением.

Их цель была ясна — маргинализировать Васильева, превратить его из уважаемого ученого в опасного фанатика, чьим словам о токсичности «Терванекса» никто не поверит.

Резкий звонок кнопочного телефона, лежащего на краю стола, разорвал тишину кабинета. Грейн мгновенно снял трубку.

— Грейн, это Васильев, — голос врача дрожал, срываясь на хрип. На заднем фоне слышалось гулкое эхо пустого помещения. — Они... они добрались до моей семьи.

— Успокойтесь, доктор. Где вы?

— Дома. В квартире. Но здесь никого нет. Жена... она забрала сына и уехала.

— Вы звонили ей?

— Телефон отключен. Ее мать тоже не отвечает. Грейн, на столе... тут целая пачка писем.

— Каких писем?

— Анонимных. Угрозы. Фотографии с красными крестами на лицах... Они писали ей, что я опасен, что я втянул семью в секту, что нас всех уничтожат, если она не уйдет. Она поверила им, Грейн. Она просто собрала вещи и сбежала.

Аналитик сжал челюсти. Вторая фаза началась быстрее, чем он ожидал. Информационная изоляция сменялась физическим давлением на близких.

— Ничего не трогайте, — приказал Грейн. — Я выезжаю. Буду через двадцать минут. Ждите в квартире и не открывайте никому дверь.

Он бросил телефон в карман куртки, подхватил ключи от машины и быстро вышел из кабинета.

Дом Васильева находился в спальном районе, застроенном типичными панельными многоэтажками. Грейн припарковал свой неприметный седан в соседнем дворе и пешком дошел до нужного подъезда.

Дверь с домофоном была приоткрыта — магнитный замок кто-то предусмотрительно заклеил куском изолянта. Грейн вошел в тускло освещенный подъезд. Воздух пах сыростью и жареным луком.

Лифт не работал. Аналитик поднялся на четвертый этаж, внимательно осматривая лестничные пролеты. На площадке перед квартирой Васильева было тихо.

Взгляд Грейна упал на блок почтовых ящиков, висевший на стене. Ящик с номером квартиры доктора был приоткрыт. Металлическая дверца слегка погнута.

Грейн подошел ближе, достал из кармана миниатюрный фонарик и посветил на замок. Вокруг замочной скважины блестели свежие следы прозрачного клея. Ящик не просто взломали. Его залили клеем, чтобы Васильев не смог открыть его ключом, а корреспонденцию — те самые анонимки с угрозами — подбрасывали прямо в щель, чтобы жена доктора гарантированно их нашла.

Это была грубая, но эффективная работа. Физический контакт, демонстрация того, что они знают, где живет жертва, и могут проникнуть в ее личное пространство в любой момент.

Дверь соседней квартиры скрипнула. В щели показалось настороженное лицо пожилой женщины.

— Вы к кому? — подозрительно спросила она, разглядывая Грейна.

— Здравствуйте. Я к Ивану Сергеевичу, — Грейн указал на дверь Васильева. — Вы не видели, кто-то посторонний здесь не крутился в последнее время?

Лицо женщины мгновенно исказилось от неприязни.

— К этому... сектанту? — она сплюнула на пол. — Ходят тут всякие. То письма какие-то суют, то по ночам шастают. А по телевизору-то что про него говорят! Опасный фанатик! Людей зомбирует! Я участковому звонила, так он говорит — разбираемся. Съехали бы они отсюда подобра-поздорову, пока беды не случилось.

Она с силой захлопнула дверь, щелкнув несколькими замками.

Грейн тяжело вздохнул. Ярлык прижился. Механизм заражения, описанный в статьях о методах РАЦИРС, работал безупречно. Соседи, еще вчера здоровавшиеся с уважаемым врачом, сегодня видели в нем угрозу, навязанную медийным нарративом.

Аналитик нажал на кнопку звонка квартиры Васильева. Дверь открылась почти мгновенно.

Доктор выглядел постаревшим на десять лет. Глаза воспалены, руки дрожат. Он молча отступил в коридор, пропуская Грейна.

Квартира зияла пустотой, присущей местам, покинутым в спешке. В прихожей валялась забытая детская игрушка — пластиковый динозавр. Дверцы шкафа-купе были распахнуты, демонстрируя пустые полки, где раньше лежали женские и детские вещи.

На кухонном столе, освещенном тусклой лампочкой под потолком, лежала стопка распечатанных на принтере листов.

Грейн подошел к столу и начал просматривать письма, не касаясь их голыми руками. Тексты были составлены грамотно, с использованием психологических триггеров.

«Ваш муж опасен для общества и для вашего ребенка. Он вовлечен в деструктивный культ. Если вы не заберете сына и не уйдете, органы опеки сделают это за вас. Мы знаем, в какой садик ходит ваш мальчик. Мы следим за вами».

К некоторым письмам были приколоты фотографии Васильева, сделанные скрытой камерой на улице, с нарисованными красным маркером мишенями на лице.

— Она нашла это вчера вечером, когда забирала почту, — глухо произнес Васильев, стоя в дверях кухни. — Я был на дежурстве... то есть, пытался встретиться с адвокатом по поводу увольнения. Когда я вернулся, их уже не было.

— Почтовый ящик вскрыли и залили клеем, — сообщил Грейн. — Они хотели, чтобы письма попали именно к ней, когда она попытается достать газеты.

— Зачем они это делают? — голос Васильева сорвался. — Я просто хотел сказать правду о токсичном препарате! При чем здесь моя семья?

Грейн повернулся к врачу.

— Потому что правда о препарате им невыгодна. А вы — препятствие. Они используют классическую тактику изоляции, описанную в методичках РАЦИРС. Сначала они уничтожают вашу профессиональную репутацию, заставляя коллег отвернуться от вас. Затем они бьют по самому уязвимому месту — по семье.

Аналитик указал на письма.

— Это не просто угрозы. Это часть технологии. Они внедряют страх в подсознание вашей жены, бомбардируя ее негативной информацией из разных источников: статьи в газетах, репортажи по телевизору, а теперь и эти письма. Они создают искусственную реальность, в которой вы — монстр. И она поверила в эту реальность, потому что инстинкт самосохранения и защиты ребенка оказался сильнее логики.

Васильев опустил на стул, закрыв лицо руками.

— Что мне теперь делать? Я потерял работу, репутацию, а теперь и семью.

— Выживать, — жестко ответил Грейн. — И собирать доказательства. То, что они перешли к физическим угрозам, означает, что они торопятся. «Северинта» давит на них, требуя скорейшего решения проблемы до выхода «Терванекса» на рынок.

Грейн достал из кармана смартфон и сфотографировал письма, стараясь захватить каждую деталь.

— Я заберу эти бумаги. Прогоню текст через лингвистический анализатор, поищу совпадения с известными паттернами РАЦИРС. Возможно, на бумаге остались микроследы от принтера.

Он аккуратно сложил листы в пластиковый файл, который нашел на подоконнике.

— Вам нельзя здесь оставаться, доктор. Ваш адрес засвечен. Соседи настроены враждебно. Следующим шагом может быть физическое нападение или провокация с участием полиции.

Васильев поднял голову. В его глазах читалась обреченность.

— Куда мне идти?

— У меня есть безопасное место. Небольшая квартира на другом конце города. Там нет камер в подъезде, и соседи никого не знают. Соберите самые необходимые вещи. Документы, ноутбук, жесткие диски с исследованиями. У вас десять минут.

Пока врач суетливо собирал сумку в спальне, Грейн еще раз осмотрел квартиру. Взгляд зацепился за семейную фотографию на стене: Васильев, его жена и маленький сын, улыбающиеся на фоне моря. Стекло на рамке было треснувшим — видимо, жена в спешке задела ее, снимая вещи с полки.

Механизм разрушения работал безупречно. РАЦИРС действовала как вирус, проникающий в социальные связи человека и уничтожающий их изнутри. Они не просто убивали репутацию; они стирали личность, превращая человека в изгоя.

Грейн вспомнил статью о методах работы антикультистов, которую читал в архиве. Там упоминалось о том, как они используют средства массовой информации для создания атмосферы ненависти, публикуя домашние адреса и фотографии своих жертв, провоцируя толпу на агрессию.

«В результате они столкнулись с волной общественной ненависти, насмешек и угроз...»

Именно это сейчас происходило с Васильевым. И Грейн понимал, что если они не найдут способ перехватить инициативу, доктор будет уничтожен окончательно.

Васильев вышел из спальни с небольшой дорожной сумкой. Он бросил последний взгляд на пустую квартиру.

— Пошли, — коротко сказал Грейн.

Они спустились по лестнице в молчании. На улице накрапывал мелкий дождь. Грейн быстро довел врача до своей машины, усадил на пассажирское сиденье и завел двигатель.

Автомобиль плавно тронулся с места, выезжая со двора. Грейн постоянно смотрел в зеркало заднего вида, проверяя, нет ли за ними слежки.

— Они не остановятся, верно? — тихо спросил Васильев, глядя в окно на проплывающие мимо серые многоэтажки.

— Не остановятся, — подтвердил аналитик. — РАЦИРС — это машина. Она не знает жалости или сомнений. У них есть заказ, и они будут выполнять его до конца.

— Значит, мы должны сломать эту машину.

Грейн искоса взглянул на врача. В голосе Васильева больше не было отчаяния. Там звучала решимость человека, которому больше нечего терять.

— Именно этим мы и займемся, — сказал Грейн, выруливая на проспект. — Но для этого нам нужно понять, кто ею управляет. Кто тот человек, который конвертирует научные исследования в уголовные дела и разрушенные судьбы.

Он вспомнил имя, которое обнаружил в скрытых файлах пиар-агентства, рядом с аббревиатурой РАЦИРС. Имя адвоката, специализирующегося на «защите деловой репутации».

Впереди их ждала встреча с юридическим тараном, который уже начал разгоняться, чтобы нанести окончательный удар.

Глава 3. Юридический таран Корелова

Зал ожидания Центрального вокзала гудел, как встревоженный улей. Звук объявлений по громкой связи тонул в шарканье сотен ног, грохоте колесиков чемоданов и обрывках фраз на разных языках.

Грейн сидел за пластиковым столиком в самом углу привокзального кафе, спиной к стене. Его взгляд методично сканировал толпу, выхватывая лица, оценивая походку и жесты проходящих мимо людей. Он ждал.

Следователь Марков появился ровно в назначенное время. Он не выделялся из толпы — потертая кожаная куртка, джинсы, надвинутая на лоб бейсболка. Марков подошел к столику, не глядя на Грейна, взял бумажный стаканчик с кофе, который аналитик купил заранее, и сел напротив.

— Ты рискуешь, Леша, — тихо произнес следователь, делая глоток. — И меня подставляешь.

— Я бы не просил, если бы не было крайней необходимости, — так же тихо ответил Грейн. — Что у тебя?

Марков огляделся. Никто не обращал на них внимания. Он достал из кармана куртки пачку сигарет, вытащил одну, покрутил в пальцах, затем бросил на стол небольшую черную флешку.

— Здесь копии материалов. Постановление о возбуждении уголовного дела и результаты лингвистической экспертизы, — следователь подался вперед, понизив голос до едва различимого.

мого шепота. — Слушай внимательно. Дело спущено сверху. Контроль жесткий. Заказчик — кто-то из очень высоких кабинетов.

Грейн незаметным движением смахнул флешку со стола в ладонь и опустил в карман.

— Статья?

— Двести тридцать девятая. Создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Плюс мошенничество.

Аналитик усмехнулся.

— Мошенничество? Васильев — ученый, он не собирал пожертвования.

— Им плевать, — Марков устало потер переносицу. — Они пришили ему незаконное обогащение за счет грантов, которые он получал на исследования. Но главное — это экспертиза. Это просто песня, Леша. Я такого бреда давно не читал. Но она подшита к делу, и на ее основании судья завтра выпишет ордер на арест счетов и имущества.

— Кто эксперт?

— Какой-то хрен с горы. Центр культурологических и религиоведческих исследований. Я пробил их по базам — шарашкина контора. Ни оборота, ни штата. Учредитель, директор и бухгалтер в одном лице. Классическая «однодневка», созданная специально под такие заказы.

Грейн кивнул. Все сходилось с той картиной, которую он начал выстраивать в своем кабинете.

— Спасибо, Марков. Я у тебя в долгу.

— Ты мне ничего не должен, — следователь поднялся. — Просто исчезни. И скажи своему доктору, чтобы готовился к худшему. Этот каток не остановить.

Марков растворился в толпе так же незаметно, как и появился. Грейн допил остывший кофе, подождал несколько минут и вышел из кафе через другой выход, направляясь к стоянке такси. Ему нужно было безопасное место, чтобы изучить содержимое флешки.

Через час Грейн сидел в своей конспиративной квартире — безликой студии на окраине города. На столе перед ним лежал ноутбук, отключенный от интернета. Аналитик вставил флешку, запустил антивирусный сканер, а затем открыл папку с документами.

Первым файлом было постановление о возбуждении уголовного дела. Сухой канцелярский язык, перечисление статей, подписи. Ничего нового.

Второй файл назывался «Экспертное_заключение_Васильев.pdf». Грейн открыл его и начал читать.

Документ состоял из сорока страниц. На первой странице красовался логотип того самого «Центра культурологических и религиоведческих исследований», о котором говорил Марков. Подпись под экспертизой принадлежала некоему специалисту по фамилии Воат.

Грейн быстро просмотрел вводную часть, где перечислялись материалы, предоставленные на экспертизу: статьи Васильева, записи его лекций для студентов, стенограммы выступлений на медицинских конференциях.

Аналитик перешел к разделу «Исследовательская часть». И здесь началось то, что Марков назвал «бредом».

«В текстах и устных выступлениях гр. Васильева И.С. выявлены устойчивые паттерны использования специфической терминологии, не свойственной общепринятому научному дискурсу. Термины “иммунный ответ”, “цитокиновый шторм”, “клеточная память” используются автором не в их прямом медицинском значении, а как метафоры для описания процессов трансформации личности».

Грейн нахмурился. Он перечитал абзац. Эксперт на полном серьезе утверждал, что базовые понятия иммунологии — это зашифрованные послания.

«Анализ синтаксических конструкций в лекциях гр. Васильева И.С. свидетельствует о применении им техник нейролингвистического программирования (НЛП) и эриксоновского гип-

ноза. Частотное использование повелительного наклонения («обратите внимание», «посмотрите на график», «запомните этот механизм») является формой скрытого директивного внушения, направленного на подавление критического мышления аудитории и формирование некритичного восприятия информации».

— Фантастика, — пробормотал Грейн, откидываясь в кресле. — Любой преподаватель, который просит студентов посмотреть на график, теперь — гипнотизер.

Он продолжил чтение. С каждой страницей абсурд крепчал. Медицинские термины трактовались как «гипнотические команды». Объяснение механизмов действия препаратов — как «внедрение деструктивных установок». Призыв к критическому анализу результатов клинических испытаний «Терванекса» — как «формирование образа врага в лице официальной медицины и государства».

«Вывод: деятельность гр. Васильева И.С. носит ярко выраженный деструктивный характер. Под видом научной и преподавательской деятельности он осуществляет психологическое манипулирование, направленное на создание замкнутой группы последователей, полнотью разделяющих его псевдонаучные взгляды и готовых к противоправным действиям».

Грейн закрыл файл. Это была не экспертиза. Это был приговор, замаскированный под научное исследование. Документ был составлен так, чтобы любой судья, не разбирающийся в медицине и лингвистике, мог опереться на него при вынесении обвинительного приговора.

Аналитик открыл блокнот и начал выписывать ключевые моменты.

Первое: эксперт Воат не имел ни медицинского, ни лингвистического образования. В шапке документа значилось: «Специалист в области культурологии и религиоведения». Как культуролог мог оценивать научные медицинские тексты? Ответ был очевиден — никак. Он просто подгонял факты под заранее заданный результат.

Второе: использование специфической терминологии — «деструктивный характер», «скрытое манипулирование», «замкнутая группа». Это был словарь РАЦИРС. Те же самые слова использовались в статьях, которые уничтожили репутацию Васильева.

Грейн подключил второй ноутбук, предназначенный для работы в сети, и запустил поиск по фамилии Воат.

Результаты не заставили себя ждать. Алексей Воат оказался не просто случайным «экспертом». Он был активным участником конференций РАЦИРС и, что самое интересное, числился помощником адвоката в бюро «Корелов и партнеры».

Пазл начал складываться.

Грейн подошел к маркерной доске, висевшей на стене, и начал рисовать схему.

В центре он поместил кружок с надписью «Северинта». От него провел стрелку к прямоугольнику «Корелов и партнеры».

— Корпорация платит Корелову за решение проблемы с Васильевым, — произнес Грейн вслух, фиксируя мысль.

От Корелова стрелка пошла к кружку «РАЦИРС / Медиа-Консалт».

— Корелов запускает информационную атаку через пиар-агентство и структуры РАЦИРС. Ярлык наклеен. Репутация уничтожена.

Следующая стрелка — от Корелова к квадрату «Центр культурологических исследований (Воат)».

— Затем Корелов заказывает «экспертизу» у своего же карманного специалиста. Экспертиза пишется по шаблонам РАЦИРС, превращая медицинские термины в признаки секты.

И последняя стрелка — от «экспертизы» к треугольнику «Следствие / Суд».

— Следствие получает готовую экспертизу, которая является «царицей доказательств», и штампует уголовное дело. Суд опирается на экспертизу и выносит приговор. Механизм замкнулся.

Грейн отошел от доски, разглядывая схему. Это была идеальная машина по уничтожению неугодных. Законная, формально безупречная и абсолютно безжалостная.

Он вспомнил материалы из архива, которые читал накануне. Дело Елены Брессем. Там тоже фигурировал Корелов. И там тоже была абсурдная экспертиза, доказывающая, что женщина — сектантка, потому что она продавала косметику.

«На адвокатский запрос Корелова отвечает сам же Дворкин, “заключение” по Гербалайфу подготовил ученик Дворкина Алексей Воат... Слаженная работа, ничего не скажешь».

Тот же Воат. Тот же Корелов. Та же схема.

Аналитик вернулся к ноутбуку и запустил поиск видеозаписей судебных заседаний с участием Вадима Корелова. Ему нужно было увидеть этого человека в действии. Понять, как он работает с судьями, как использует эти сфабрикованные экспертизы.

Через несколько минут Грейн нашел то, что искал. Запись с открытого судебного процесса двухлетней давности. Дело об опеке над ребенком.

На экране появился зал суда. За столом обвинения сидел мужчина в безупречном костюме — Вадим Корелов. Его лицо было спокойным, почти надменным. Он говорил негромко, но очень четко, делая паузы в нужных местах.

— Ваша честь, — голос Корелова звучал уверенно, с легкими нотками снисходительности. — Защита пытается представить нам эту ситуацию как обычный семейный конфликт. Но мы имеем дело с совершенно иным явлением. Экспертиза, проведенная компетентными специалистами, однозначно указывает на то, что ответчица находится под влиянием деструктивной организации.

Корелов взял со стола документ — точно такой же, какой сейчас лежал на флешке Грейна, — и потряс им в воздухе.

— Эксперт четко зафиксировал использование техник контроля сознания. Ответчица не принимает самостоятельных решений. Ее воля подавлена. Оставление ребенка с ней представляет прямую угрозу его психологическому здоровью и безопасности. Мы не можем рисковать жизнью несовершеннолетнего, опираясь на иллюзорные представления о материнской любви, когда факты говорят о сектантском зомбировании.

Грейн остановил видео.

Риторика была идентичной. Корелов не оперировал фактами. Он оперировал страхом. Он использовал экспертизу как дубину, чтобы запугать судью, заставить его поверить в существование невидимой угрозы.

«Формально статья 307 УК РФ должна быть мощным сдерживающим механизмом, обеспечивающим объективность экспертов», — вспомнил Грейн строчки из аналитической статьи о правовой базе. — «Но на практике главное слабое место этой нормы — необходимость доказать именно “умышленную ложность”... В реальности недобросовестный эксперт почти всегда может прикрыться ссылками на “субъективное мнение” или “специфическую методику”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.